ТЯЖЕЛОЕ ДЫХАНИЕ

МАРКИЗА ДЕ САДА

Автор:
Самира Павлова

С юридической точки зрения после смерти своего отца он был графом, но до конца жизни по привычке назывался маркизом и под этим титулом вошел в историю. От его фамилии был образован термин «садизм», хотя сам он не был садистом ни в психиатрическом, ни в бытовом смысле. В своих книгах он насмехался над добротой и состраданием, но на деле защищал даже тех, кто причинял ему зло. При жизни он двадцать семь лет провел в заключении без суда по произволу сначала короля, потом императора, а после смерти его подвергли тщательному судебному разбирательству: рассматривался вопрос, оскорбляют ли тексты де Сада общественную мораль. Его снова осудили, уже посмертно: четыре его романа оказались в списке запрещенных во Франции книг. Он мечтал, что имя его «изгладится из памяти людей, за исключением, однако, небольшого числа тех, кто любил меня до последней минуты и о ком я уношу в могилу нежнейшие воспоминания», но о нем помнят вот уже третье столетие. Одни считают его чудовищем, другие – проповедником зла, третьи – тоже проповедником, но уже небывалой свободы личности, тогда как он не был никем из этого…

«МОЯ МАНЕРА МЫСЛИТЬ НЕ ПРИНЕСЛА МНЕ НЕСЧАСТИЙ. ИХ ПРИЧИНОЙ СТАЛИ МЫСЛИ ДРУГИХ»

Это даже удивительно, как много значит плохой пиар и как живуча незаслуженно скверная репутация…

Первая часть жизни Донасьена де Сада прошла в те времена, когда Францией правил Людовик XV, получивший в народе нежное прозвище Возлюбленный: правитель, которому его фаворитки в огромных количествах поставляли для сексуальных утех (в том числе крайне жестоких) невинных девушек и даже маленьких девочек. Аристократия и дворяне не отставали от Его Величества как в распутстве, так и в жестокости. Например, брат короля состоял в инцестуозных отношениях с собственной дочерью и для удобства отравил ее мужа. А кузен короля развлекался тем, что стрелял из ружья по кровельщикам, чинившим крыши.

Французская революция показала, что меры человеческой жестокости практически не существует. У некоторых ее жертв была возможность встретить смертную казнь за незначительный проступок, с достоинством. Например, поэт и журналист Андре Шенье имел храбрую неосторожность написать цикл статей, в которых убедительно доказывал, что статус Конвента и Конституция не позволяют судить короля: можно лишь отрешить его от власти. Когда Андре Шенье и его друга везли гильотинировать, они вместо молитв декламировали монологи Федры.

Но далеко не каждый мог рассчитывать, что его просто отволокут к гильотине: Марию-Терезу-Луизу Савойскую, принцессу де Ламбаль, вина которой состояла лишь в том, что она была подругой королевы Марии-Антуанетты, толпа терзала четыре часа, вырывая зубы и буквально отрывая части тела. Несчастную женщину приводили в себя, чтобы она могла «лучше почувствовать смерть», и продолжали измываться над ней. Затем ей вспороли живот, а ее отрезанную голову надели на пику и носили по городу. Все это проделали обычные обыватели, горожане Парижа, которых почему-то никто не заклеймил садистами.

После короткого и беспримерно жестокого правления Директории, сменившей монархию, к власти пришел Наполеон Бонапарт, утопивший в крови кроме собственной страны всю Европу.

При всем этом символом зла и «изобретателем садизма» в историю почему-то вошел человек, по согласию занимавшийся нестандартными видами секса со взрослыми женщинами-проститутками, которым он по договоренности щедро за это платил. Донасьена де Сада трудно назвать приятным малым. Он был эгоистом, нытиком, воспринимал все хорошее, что для него делали, как должное и злился,

когда не получал того, что хотел. До конца дней он оставался капризным, скандальным, обожал эпатировать людей и не хотел отвечать за свое поведение. Был он резким, ядовитым, охотно обижал и не понимал, почему на него обижаются. Но все эти качества не делают из него монстра, которым его часто пытаются представить.

«БЕССЕРДЕЧНОСТЬ БОГАТЫХ УЗАКОНИВАЕТ ДУРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БЕДНЫХ»

В 1740 году у богатой и знатной четы де Сад родился сын Донасьен Альфонс Франсуа. Широко принятое в Античности и не до конца изжитое даже в Средневековье детоубийство как способ избавления от нежеланных детей уже сошло на нет. Наступил период, когда от детей «освобождались» более гуманным способом: большинство из тех, кому позволял доход, на несколько лет отсылали новорожденных кормилицам, а потом в услужение, в монастыри или просто на воспитание родственникам или в другие семьи. Может быть, именно поэтому философия того времени проникнута идеей богооставленности, отсутствия Бога: это мировоззрение создано людьми, которых покинули, изгнали из своей жизни родители.

Донасьен де Сад не был исключением из правил: родители не любили его. Не любили они и друг друга: граф Жан-Батист де Сад женился на фрейлине Мари-Элеонор де Майе-Брезе де Карман только для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно посещать свою любовницу Каролину-Шарлотту де Конде, в доме которой жила его супруга.

Маленького Донасьена не замечали родители и исступленно баловала бабушка, в чей дом он переехал, и пять тетушек по отцу: способ воспитания, который еще никого не сделал лучше. К сожалению, попустительство не утоляет потребности в любви и не спасает от одиночества.

Маркизу де Саду всегда не хватало контакта с родителями: отец в будущем влиял на его жизнь и поддерживал отношения с сыном, а мать не принимала в ней никакого участия и совершенно не интересовалась его судьбой. Донасьен всю жизнь хранил и часто перечитывал рукописи, письма и личные дневники Жан-Батиста. Ведь ребенком он был лишен даже такого «общения» с отцом.

Вскоре граф де Сад распорядился, чтобы его сына отдали на воспитание аббату Полю Альдонсу де Саду, брату Жан-Батиста. Это был высокоинтеллектуальный человек, любивший племянника. Он привил мальчику интерес к литературе, истории, географии, теологии и философии, дал ему прекрасное образование, но… «Хотя он и священник, вместе с ним всегда

проживает парочка шлюх. Похож ли его замок на сераль? Нет, он напоминает гораздо более замечательное заведение: бордель» – так отрекомендует дядину обитель Донасьен. Можно предположить, что во время жизни с дядей маркиз де Сад и решил, что религия и нравственность – это одно большое притворство: именно этому научили его своим примером взрослые.

«КОГДА-НИБУДЬ, КОГДА ИЗУЧЕНИЕ АНАТОМИИ ПРОДВИНЕТСЯ, ПОЯВИТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ СВЯЗАТЬ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПРИСТРАСТИЯ»

Пять лет спустя десятилетний маркиз де Сад по распоряжению отца отправился в Париж, где поступил в колледж Людовика Великого – учебное заведение, известное многими яркими выпускниками, начиная с Сирано де Бержерака, заканчивая Дидро и Вольтером. Обучение было интересным и престижным. Интеллектуальные возможности Донасьена оценили, во время учебы в колледже он познакомился с театром, который полюбил на всю жизнь: ему нравилось писать пьесы, ставить их и самому играть на сцене. Кроме того, ему очень нравилась театральность, воплощенная в жизни, что, кстати, сыграло в его судьбе немалую роль.

И именно в колледже де Сад познакомился с процессом, ставшим важной частью его сексуальности: порка в то время была обязательной частью жизни школьников.

Люди, подвергающиеся регулярной порке в юном возрасте, нередко испытывают кроме физических и душевных страданий сексуальное возбуждение, а порой и сексуальную разрядку. Это происходит отчасти из-за стимулирующего воздействия на рецепторы, отчасти в качестве психологической защиты от невыносимых обстоятельств. Постепенно яркие ощущения закрепляются, входя в привычку, и становятся необходимой частью удовольствия. Регулярные порки, которым Донасьен де Сад подвергался с десяти до четырнадцати лет, заметно повлияли на формирование его интимной жизни: впоследствии во время полового акта ему нередко хотелось, чтобы его секли, и хотелось сечь самому. Кроме того, ему нравилось, когда при битье присутствуют свидетели: довольно очевидно, что это воспроизводило ситуацию публичного наказания на глазах других учеников, к которому мальчики привыкли в колледже.

Дела де Сада-старшего шли под гору, он растранжирил немалое семейное состояние, поэтому отправил сына – выпускника колледжа – не в академию или университет, а в армию: после Кавалерийской школы Донасьен поступил в легкую кавалерию.

Семилетняя война, в которой маркиз де Сад принял участие, показала, что шестнадцатилетний Донасьен – храбрый офицер. Правда, гибель и страдания людей не доставляли юноше никакого удовольствия. В боях он был смельчаком, а при зрелище бесчинств в завоеванных городах чувствовал отвращение и буквально заболевал.

В мирное же время он заводил массу романов, слыл дамским угодником и повесой.

Смелости для военной карьеры недостаточно: нужна способность к дисциплине, а с этим у безалаберного и ненавидящего ответственность молодого человека были огромные проблемы. В армии ценили его храбрость, но от него было так много проблем (то жалобу подаст, то потребует перевода в другой полк, пусть и с понижением, и романы эти бесконечные!), что после демобилизации его никто не удерживал.

Теперь маркиз де Сад жил на небольшой доход от наместничества в нескольких провинциях, которое получил по отцовской протекции. Между тем Жан-Батист решил женить

сына на богатой девушке и энергично занялся поисками подходящей кандидатуры.

«Бунтарь, не признающий ни законов, ни авторитетов» Донасьен де Сад, вообще говоря, был для вольнодумца удивительно покладистым сыном. Колледж? Отлично, колледж. Армия? Что ж, значит, армия. Жениться? Пусть будет женитьба.

Впрочем, у него не было альтернатив браку: маркиз де Сад не умел и не хотел старательно делать карьеру, по своему складу он явно был свободным художником. А помочь ему в продвижении по социальной лестнице (или просто в том, чтобы не утонуть в долгах) было некому: у отца дела шли неважно, мать интересовалась сыном не больше, чем когда он был малышом, близких друзей он, с детства воспитывавшийся в одиночестве, заводить не научился. Так что женитьба была данью не только покладистости, но и действительной необходимости.

«НЕ НАДО БОЯТЬСЯ НИ БУРЬ, НИ УРАГАНОВ СО СТОРОНЫ ПРИРОДЫ, И ГЛУПОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, ВЕЧНАЯ И НЕИЗМЕННАЯ, ПРИНОСИТ ТОМУ, КТО НА НЕЕ РАССЧИТЫВАЕТ, БОГАТСТВА, КАКИЕ НЕ СМОГУТ ДАТЬ ВСЕ РУДНИКИ ПЕРУ»

Семейство де Монтрей было ниже по происхождению, но неизмеримо богаче де Садов: процветающий месье де Монтрей служил председателем Налоговой палаты. Однако настоящей главой семьи была его властная жена Мадлен.

Двадцатитрехлетний Донасьен де Сад был предназначен в мужья их старшей дочери, двадцатидвухлетней Рене-Пелажи. Эта высокая, темноволосая, миловидная девушка много читала, отличалась большой скромностью и совершенно не умела ценить себя.

В жениха Рене-Пелажи искренне и безоглядно влюбилась, и это стало ее несчастьем. Донасьена же постигло другое несчастье: он влюбился в младшую сестру своей невесты – шестнадцатилетнюю Анн-Проспер. Живая, кокетливая, очень энергичная и женственная молодая особа ответила де Саду взаимностью. Учитывая, что брачный возраст для девушки в то время составлял двенадцать лет, а для мальчика – тринадцать, Анн-Проспер нельзя было счесть слишком юной для замужества. Однако супруги Монтрей решительно воспротивились, когда маркиз заикнулся, что хотел бы связать свою жизнь с младшей дочерью вместо изначально предназначавшейся ему Рене-Пелажи. Почему? Кто знает. Может быть, считали, что сначала следует выдать замуж старшую, может быть, полагали такую «замену» незадолго до свадьбы скандальной: вдруг это дурно скажется на репутации брошенной невесты?

Жене де Сад изменял. Как уже было сказано выше, для этого он договаривался об услугах с проститутками: его больше привлекали женщины из простонародья. К тому же в перечень услуг большинства публичных домов входили плети и розги, считавшиеся вполне приемлемым возбуждающим средством: не только де Сада и его однокашников пороли в колледже.

Очень скоро на маркиза стали поступать жалобы в полицию.

Во всех случаях, когда его арестовывали, де Сад уверял, что все, в чем его обвиняют, происходило по предварительной договоренности и согласию. И это очень похоже на правду.

Тогда почему обслуживавшие его женщины заявляли на него в полицию? Почему полиция (как правило, защищавшая аристократов) всегда принимала сторону обвинительниц, даже когда обвинения звучали не слишком правдоподобно и возникало ощущение, что история какая-то мутная? И почему, наконец, даже если женщина отзывала жалобу, дело против маркиза не прекращалось?

Ответ на первый вопрос, скорее всего, кроется в личности самого де Сада: он обожал игру, театрализованное представление, спектакль. Причем не только на сцене, но и в жизни. Донасьену недостаточно было получить и нанести согласованные семь ударов плеткой. Он хотел разыграть полноценную и захватывающую ролевую игру с «демоническими страстями» и сильными чувствами.

Надо думать, маркиз де Сад, во-первых, переигрывал: это было ему свойственно и в литературе, и в жизни, и в переписке, недаром же все его тексты полны самых невероятных преувеличений. Во-вторых, он сильно переоценивал способность не предупрежденных женщин, очень отличавшихся от него и темпераментом, и пристрастиями, подыграть ему.

Партнерши пугались представления, которое принимали за подлинное безумие опасного сумасшедшего. Большинство из них всерьез полагало, что их жизни угрожают. Парадокс заключался в том, что в отличие от обходительных кавалеров-аристократов, внезапно превращавшихся в монстров, жертв которых больше никто не видел, вполне безопасный Донасьен де Сад монстра убедительно разыгрывал.

В пользу этой версии говорит, кроме всего прочего, то обстоятельство, что после развода с Рене-Пелажи Донасьен де Сад свяжет жизнь с актрисой Констанс Кенэ, женщиной, не только разделявшей его сексуальные пристрастия, но и его интерес к игре, к представлению. С ней Донасьен проживет в полном согласии до самой своей смерти.

«ЗЛОСЛОВИЕ ВСЕГДА ИДЕТ РУКА ОБ РУКУ С КЛЕВЕТОЙ»

Первый раз жалобу подала Жанна Тестар: на улицах европейских городов нередко встречались бедные молодые женщины, для которых проституция была не постоянным заработком, а вынужденным приработком. Днем Жанна делала веера, вечером оказывала сексуальные услуги через публичные дома.

Согласно ее заявлению, клиент, уединившись с ней, кричал, что Бога нет, вел опасные речи и декламировал богохульные стишки. Кроме того, он хотел, чтобы они отхлестали друг друга плетью. Получив гонорар, Жанна побежала в полицию и рассказала, что чудом освободилась из лап страшного чудовища. За богохульство полагалась смертная казнь, но король помиловал маркиза, и тот был заключен в тюрьму на 15 дней. Самый мягкий приговор из многочисленных полученных Донасьеном.

Примерно тогда же в личную жизнь маркиза де Сада вмешалась его теща. Первое время Мадлен считала досуг зятя на стороне обычными для мужчин его круга «шалостями озорника-аристократа». Но постепенно мадам де Монтрей все больше волновалась за счастье дочери и репутацию семьи. Кроме того, у супругов де Сад появились дети: два мальчика и девочка, которых бабушка обожала. И ей все сильнее хотелось приструнить их отца: властная женщина, привыкшая к полному подчинению мужа и дочерей, считала, что пора ей перевоспитать и зятя. Для его же пользы и для пользы семьи.

Зять, что и говорить, был беспокойный. Чего стоил совершенно дикий случай: Донасьен по делам приехал в свое поместье с любовницей-актрисой, где выдал эту женщину за… свою жену. Причем его дядюшка-аббат, которого религиозная мадам де Монтрей очень уважала, к ее ужасу, поддержал игру племянника. Конечно, такую ситуацию не назовешь приемлемой ни с какой точки зрения.

Энергичная Мадлен взялась за перековку семейных кадров. Для этого она, во-первых, прибегла к долгим нравоучениям. Во-вторых, сговорилась с инспектором Марэ из полиции нравов, арестовавшего де Сада первый раз. Те-

перь маркиз был под надзором властей, и все, что с ним происходило, мгновенно докладывали его теще.

Стоит ли говорить, что все это только разозлило молодого мужчину. Перевоспитание явно имело обратный эффект.

Правда, суровая теща ненадолго смягчилась, когда Донасьен де Сад потерял отца, но это было затишье перед бурей.

Второй раз де Сада арестовали, когда вдова кондитера Роза Келлер, собиравшая милостыню на улицах, обратилась с жалобой на похищение и изнасилование. Рассказ ее был таким: сначала маркиз предложил ей предоставить сексуальные услуги за деньги, а когда она сказала, что не такая, он, через запятую, нанял ее горничной. Не ожидая дурного, она поехала в его дом, где маркиз избил ее плеткой, а потом… смазал ее раны и угостил завтраком. Ей удалось бежать из обители порока, и показания о перенесенных ею страданиях охотно подтвердили двадцать уличных прохожих, которых не было на «месте преступления» и которые ничего не видели и не слышали. С трудом верится, что женщина, которой только предложили оказать сексуальные услуги, согласилась тотчас поехать в дом к мужчине, сделавшему такое предложение, если она не собиралась его принимать. Скорее всего, Роза Келлер, как и Жанна Тестар, хотела подработать, но игрища маркиза всерьез напугали ее.

Арестованный де Сад недоумевал: зачем надо было лезть в окно, когда можно было взять обещанные им (он настаивал на этом) деньги и спокойно выйти через дверь?

После этой истории каждый получил свое: Донасьен – короткий тюремный срок и штраф, Роза Келлер – огромные отступные, после чего она забрала заявление (что не избавило де Сада ни от тюрьмы, ни от штрафа), а молва и пресса – великолепную жертву. Газеты, не жалея черных красок, расписывали, как зловещий маркиз похитил бедную, но честную женщину, избил ее, изрезал ланцетом, залил раны ядовитым обжигающим зельем и собирался, хохоча, терзать жертву дальше (всем известно, что он уже замучил насмерть множество женщин! Поговаривали даже, что маркиз потрошил несчастную в собственном анатомическом театре!), если бы ей не удалось хитростью бежать от истязателя.

С тех пор и до наших дней (Интернет не добрее к Донасьену, чем французские обыватели XVII века) о маркизе де Саде стали ходить самые мрачные сплетни, приписывающие ему похищения и насилие.

«ЧЕМ БОЛЬШЕ ПРИРОДА И ФОРТУНА ОСЫПАЮТ ЧЕЛОВЕКА СВОИМИ МИЛОСТЯМИ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРЕПЯТСТВИЙ РАССТАВЛЯЕТ НА ЕГО ПУТИ СУДЬБА, БЕРУЩАЯ НА СЕБЯ РОЛЬ НЕБЕСНОГО ПРАВОСУДИЯ, КОЕ, КАК ИЗВЕСТНО, СЛУЖИТ ЛЮДЯМ И ПРИМЕРОМ, И УРОКОМ»

После тюремного заключения маркиз некоторое время жил в своем поместье, где ставил театральные пьесы, затем он совершил путешествие в Голландию. По возвращении возобновил армейскую службу и дослужился до полковника.

А потом… Четыре проститутки (Мариетт Борелли, Роза Кост, Марионетта Ложе и Марианна Лаверн) согласились поучаствовать в оргии вместе с маркизом и его лакеем. Оргия шла ни шатко ни валко: де Сад, о котором ходили самые дурные слухи, пугал девушек самим своим присутствием, его пафосные разглагольствования и розги только нагнетали обстановку. Участницы оргии ныли, что им все не нравится, и бегали к кухарке пить кофе. Не самая эротичная обстановка. Тогда маркиз, все же рассчитывавший на продолжение вечеринки, угостил девушек конфетами с афродизиаком – шпанской мушкой. Это средство, как известно, не слишком действенное и относительно опасное: переев его, можно и отравиться.

Вообще говоря, шпанская мушка (шпанка ясеневая) – это насекомое, небольшой зеленоватый жук. Из его пищеварительного секрета выделяют ядовитое вещество кантаридин, возбуждающие свойства которого описывал один из отцов современной медицины Амбруаз Паре. Ему пришлось лечить мужчину, страдавшего «самым страшным сатириазом» после принятия «препарата», содержащего крапиву и шпанскую мушку.

Две девушки от шоколада отказались, две полакомились. Оргия завершилась своим чередом. Разочарованный маркиз заплатил несколько меньше, чем рассчитывали девушки, так как считал, что получил куда меньше, чем рассчитывал сам. И уехал по делам. А девушки, съевшие конфеты, почувствовали себя плохо – они таки отравились шпанской мушкой – и обратились в полицию. Никто не сомневался, что чудовищный де Сад прибегнул к мышьяку (и, видимо, будучи полным идиотом, перед этим представился всем присутствующим своим настоящим именем), но к общему удивлению, никаких следов яда в рвоте пострадавших не обнаружилось. Девушки в короткий срок выздоровели, но до этого успели рассказать полиции, что зловещий маркиз занимался сексом со своим лакеем. Маркизу де Саду и его слуге было предъявлено обвинение в содомии и… покушении на убийство. Обоих приговорили к смертной казни, а так как осужденных на суде не было, то, по принятой тогда традиции, казнили их соломенные чучела.

Донасьен мог попытаться оспорить приговор или жить вне закона: будучи приговоренным, он лишался всех прав, словно мертвец. Надеясь, что все как-нибудь образуется само собой, легкомысленный де Сад некоторое время путешествовал по Италии, а затем тайно поселился в своем поместье. И вот тут он загнал последний гвоздь в крышку собственного гроба: у него все же начался роман с Анн-Проспер, сестрой его жены.

После этого мадам де Монтрей решила, что единственным выходом будет упечь зятя за решетку. Исключительно для семейного спокойствия. Сначала по ее настоятельной просьбе Донасьена схватили во время путешествия в Сардинии и поместили в крепость. Он просидел там без малого пять месяцев и бежал.

Его нашли во Франции и снова посадили в тюрьму. После полутора лет заключения кассационный суд пересмотрел его дело и признал невиновным в покушении на отравление. По решению суда маркиза должны были выпустить.

Но мадам де Монтрей только-только вздохнула с облегчением, избавившись от источника проблем, и не собиралась сдавать позиции. Она добилась особого приказа, опиравшегося исключительно на королевскую вседозволенность, согласно которому Донасьена де Сада без всякого судебного решения на неопределенный срок оставили под стражей.

«ТОТ, КТО ЖЕЛАЕТ В ОДИНОЧКУ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ, ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, ЧТО ПОГИБНЕТ»

«Нет, тюрьма меня сломила, уничтожила. Я здесь уже так давно! <…> Вы не знаете, что такое семнадцать месяцев тюрьмы, – это семнадцать лет, семнадцать веков! <…> Это слишком много даже за те преступления, которые язык человеческий называет самыми гнусными именами. Так сжальтесь надо мною и испросите для меня – не снисхождения, а строгости, не милости, а суда; судей, судей прошу я;

в судьях нельзя отказать обвиняемому», – сказал инспектору в замке Иф вызывающий неизменное сочувствие читателя Эдмон Дантес, знакомый поклонникам Александра Дюма под именем графа Монте-Кристо.

То же самое мог бы сказать и маркиз де Сад. С той лишь разницей, что живой человек Донасьен де Сад в отличие от литературного персонажа провел в стенах разных тюрем не 17 месяцев, а для начала 14 лет – с 1776 по 1790 год. (В будущем его ждало новое заключение.) Он оставался в заточении просто потому, что мадам и месье де Монтрей так было удобнее.

Условия содержания были разными: иногда он жил в комфортабельной комнате с хорошей пищей, порой в плохонькой и неудобной камере, где заключенного морили голодом и поили водой из стоячего водоема. Но в любом случае это была тюрьма.

Именно в тюремных стенах у Донасьена де Сада начала развиваться бронхиальная астма: спертый воздух, сырость, испарения, а часто и отсутствие прогулок сделали свое дело.

«Я ГОТОВ К ТОМУ, ЧТОБЫ ВЫДВИНУТЬ НЕСКОЛЬКО ГЛОБАЛЬНЫХ ИДЕЙ. ИХ УСЛЫШАТ, ОНИ ЗАСТАВЯТ ЗАДУМАТЬСЯ. ЕСЛИ НЕ ВСЕ ИЗ НИХ ПРИЯТНЫ, А БОЛЬШИНСТВО ПОКАЖЕТСЯ ОТВРАТИТЕЛЬНЫМИ, Я ВНЕСУ ВКЛАД В ПРОГРЕСС НАШЕГО ВЕКА И БУДУ ЭТИМ УДОВЛЕТВОРЕН»

В камере маркиз де Сад написал большую часть своих романов. Некоторые считают, что маркиз на страницах собственных книг создал желанный ему садистический мир, полный жестоких наслаждений. Однако, как показала практика, к такому миру он не стремился. В противном случае он вполне нашел бы себя и в захвате завоеванных городов, и в злодеяниях Французской революции.

Чем же были его книги? Что он пытался выразить в жутких и порой совершенно неправдоподобных историях?

Донасьен де Сад был уверен, и не без основания, что человеческое общество несправедливо и лицемерно как в целом, так и по отношению лично к нему. Эту тему он старательно развивал в своих текстах. Он ощущал себя, скорее, невинной Жюстиной (из книги «Жюстина, или Несчастная судьба добродетели»), обвиненной в преступлениях, которых она не совершала, чем преуспевающей, благополучной садисткой Жюльеттой из «Истории Жюльетты, или Успехов порока». Слова, сказанные о Жюстине: «Процесс против несчастной женщины, у которой нет ни кредита, ни протекции, совершенно предрешен во Франции, где считается, что бедность совершенно несовместима с добродетелью…», в общем можно отнести и к самому де Саду. У него тоже не было ни денег, ни покровителей, поэтому большую часть жизни он провел в тюрьме за преступления, которых не совершал. Хотя, конечно, он не был невинным и кротким существом.

Нередко тексты де Сада трактуются как предшественники ницшеанской философии – эдакий вызов нравственности, добродетели, человечности и в конечном итоге Богу. Но гораздо больше похоже, что это ожесточенные вопросы порочному миру, лицемерно притворяющемуся добродетельным: где справедливость? где сострадание? где доброта?

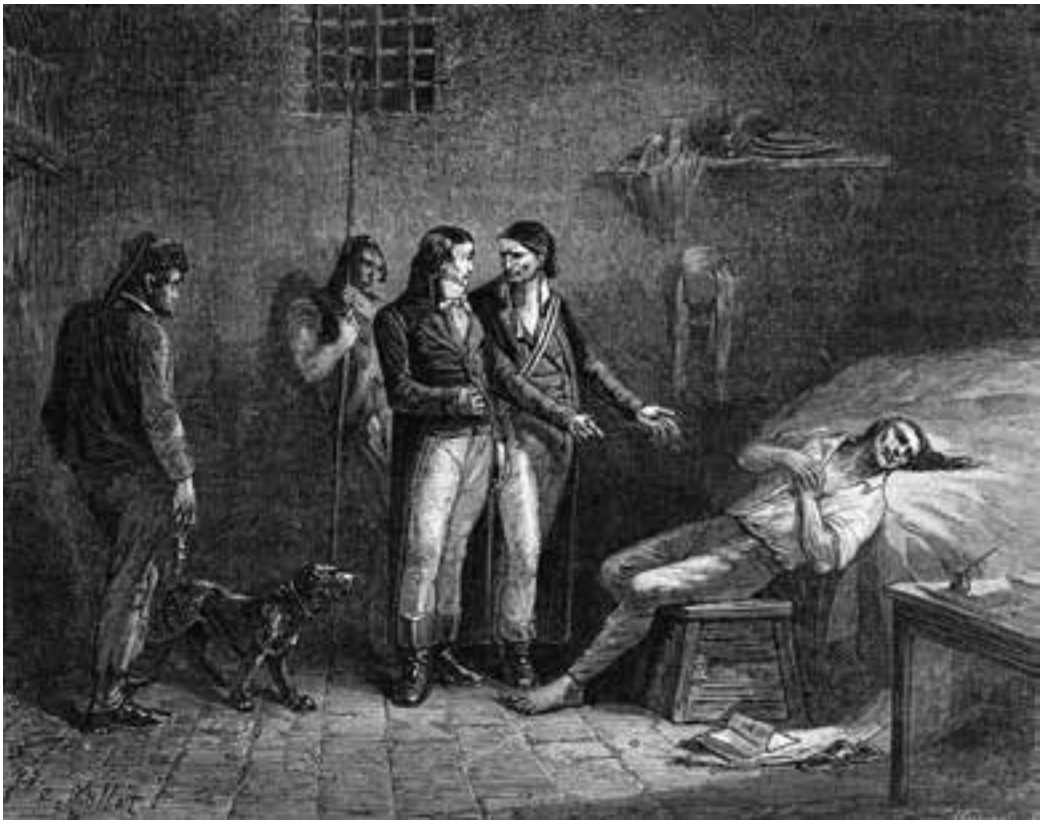
Еще одной причиной этих напичканных жестокостями романов, скорее всего, была агрессия, которую многие почувствовали бы на месте этого человека: он сидел в тюрьме, без суда и следствия. Жизнь проходила мимо, причем безвозвратно терялись ее лучшие годы.

Анн-Проспер умерла от аппендицита. Жену он безумно ревновал (возможно, его ревность кто-то нарочно подстрекал, а может быть, он просто срывал на ней плохое настроение), что выглядело особенно странно, учитывая его собственные измены в прошлом и ее неизменную преданность. Измучившись его хамством и несправедливыми упреками, Рене-Пелажи ушла в монастырь, а затем развелась с мужем. Так де Сад лишился последней поддержки.

Человек, привыкший жить в прекрасных условиях, был лишен всех удовольствий, доступных свободному. Все это произошло из-за прихоти женщины, которая уже испортила ему однажды жизнь, запретив жениться на Анн-Проспер.

В письмах жене он изливал тонны яда и ненависти в адрес тещи. Если принимать на веру все, что де Сад писал в раздражении, то не приходится сомневаться, он расправился бы с людьми, которые засунули его за решетку, так, что все садисты мира содрогнулись бы:

«Нет, я никогда не прощу тех, кто предал меня, и не удостою их ни взглядом, пока я жив. Если бы мое дело продолжалось в течение полугода или даже года, и это было бы той ценой, кото-

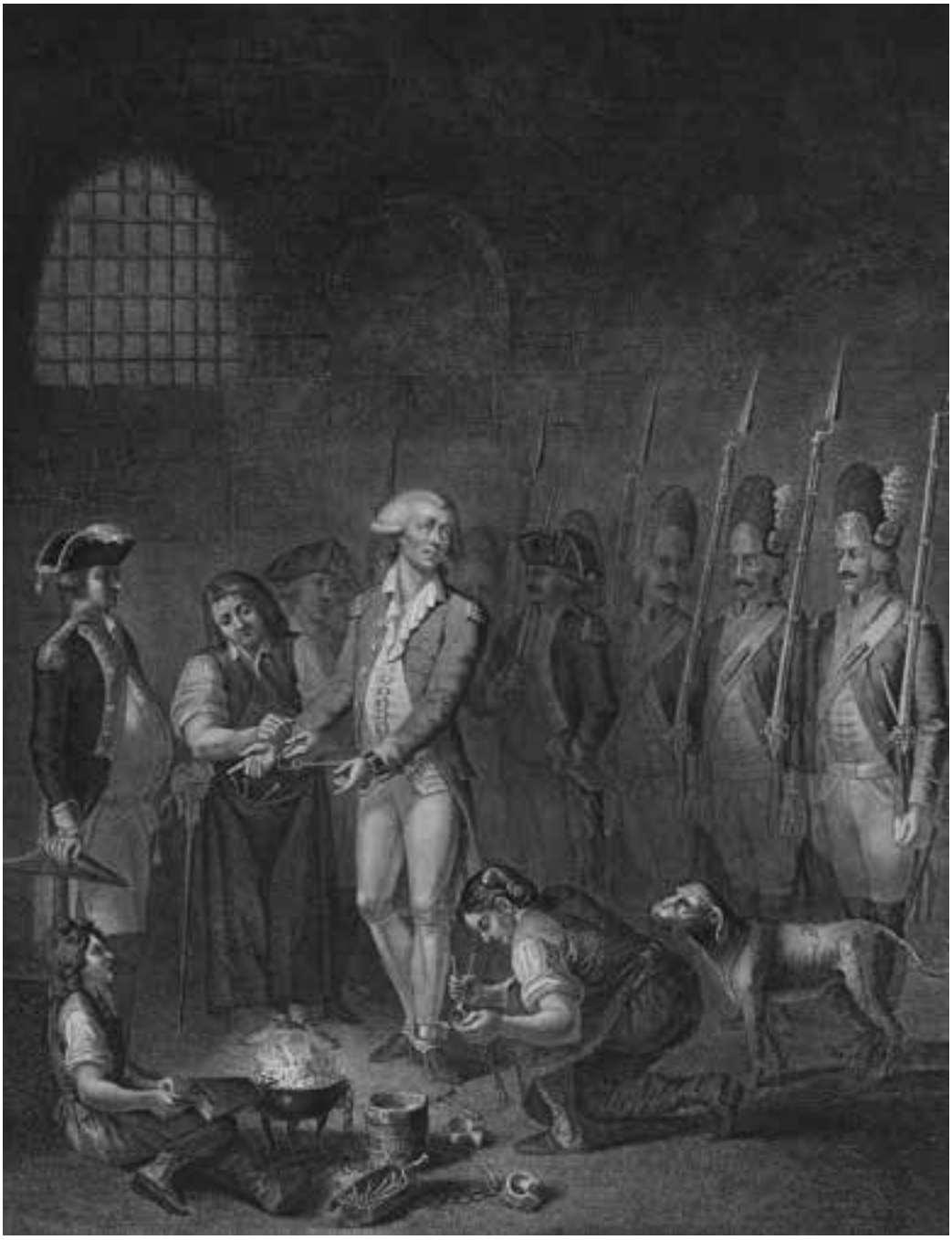

рую я должен был бы за это заплатить,– да, тогда я, возможно, и забыл бы; но когда это подрывает как мой рассудок, так и мое здоровье, когда это навсегда покрывает позором меня и моих детей, когда, одним словом, это приводит – как вы увидите – к самым ужасным последствиям в будущем, те, кто каким бы то ни было образом приложили к этому руку,– двуличные, лицемерные лжецы, которых я буду ненавидеть всем сердцем и душою до своего смертного дня. <...> Заверяю вас, что, если бы я мог это сделать, первый закон, который бы я установил, гласил бы, что президентшу (так он называл мадам Монтрей. – Примеч. авт.) следует приковать к столбу и сжечь на очень медленном огне>.

Донасьен придумал мадам де Монтрей десятки изощренных казней и все их старательно описал. Однако на деле, когда ему представилась блестящая возможность поквитаться, он не только не причинил тестю и теще зла. Он защитил их. В первые дни Французской революции «узник деспотизма» гражданин Сад был освобожден. Мадам де Монтрей негодовала и искала способы засадить его уже при новом режиме, но в этот раз ей не посчастливилось. А спустя некоторое время гражданину Саду предложили должность председателя секции Пик: теперь он был волен казнить и миловать.

Супруги де Монтрей жили как раз в его секции. И Донасьен, в фантазиях придумавший для тещи все возможные и невозможные пытки и казни, в срочном порядке… внес имена тестя и тещи в список невиновных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежащих уничтожению, поступив намного более по-христиански, чем религиозные родители его жены.

Так что де Сад просто письменно выплескивал злость. А зол он был не только на тещу. Вся мизантропия человека, заклейменного преступником, живущего в изоляции и подвергающегося издевательствам, вылилась на страницы его текстов. Как всегда, Донасьен де Сад винил в своих несчастьях кого угодно, только не себя. Он проклинал семейственность, поставившую его в зависимость от отца и тещи и, не жалея кровавых подробностей, описывал сцены расправы родителей над детьми и издевательств детей над родителями. Поносил Церковь, в ко-

торой лицемерные священники делали все то, за что осуждали других. Обвинял общество, где развратничающие в одинаковой степени получают тем не менее разное наказание. И изливал на бумагу идеи попрания всех законов нравственных и человеческих. Короче говоря, выпускал пар.

«НИКТО НЕ ВПРАВЕ РУКОВОДИТЬ ПОСТУПКАМИ ДРУГОГО»

О маркизе де Саде часто говорят, что он рисует привлекательную картину порока. Отнюдь нет! Его книги – это, скорее, почти издевательское, гротескное нагромождение откровенно отвратительных сцен жестокости и распущенности.

И если все же заставить себя продраться через текст, полный гипертрофированных мерзостей, возникает ощущение, что автор глумится и над читателем, которого шокируют эти сцены, и над собственными развращенными персонажами, у которых появляются сотни, да что там, тысячи, нет, десятки тысяч жертв и любовников обоего пола (как-то невольно вспоминается «курьеры, курьеры, курьеры… можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!»), а также громоздятся самые нелепые и необъяснимые предательства и преступления, заканчивающиеся тем, что садисты самозабвенно истребляют друг друга, прибегая к казням, зачастую подчеркнуто гротескным. А как еще можно назвать сцену, когда распутные подружки сбрасывают свою товарку в жерло Везувия?

Крайне несправедливо считать, что жестокий мир, описанный маркизом де Садом, это плод его воображения: он прекрасно видел, на что способны люди, независимо от того, аристократы они или простолюдины. Французская революция покажет, что порядочные обыватели, которые вчера ужасались поведению распутного маркиза и, разумеется, никогда не читали его текстов (хотя бы потому, что те еще не были опубликованы), способны на такие жестокости, каких де Сад не мог даже выдумать. Упиваясь безнаказанностью, они подтвердят его мрачные теории. Убивая женщин, детей и стариков, терзая беспомощных просто потому, что могут. Большинство этих людей не окажется ни в тюрьме, ни в сумасшедшем доме: революция и народная воля спишут все!

И тут невольно покажется, что до скуки жестокие тексты де Сада пугающе реалистичны. Он не сформировал философию садизма, он вырос и жил в обществе, реализовывавшем ее в полной мере…

Де Сад был продуктом своего времени, но наилучшим: он только фантазировал, причем о том, чего не желал воплощать. Остальные делали.

Хотя тексты Донасьена де Сада называют проповедью безнаказанного порока, мне кажется вполне очевидным, что порочные герои де Сада наказаны: они одиноки, не знают душевной теплоты, ни с кем не связаны. Их мир, лишенный как Бога, так и ближних, пуст, ведь других людей для них просто не существует, есть только объекты. И возможно, эту мысль проще всего было показать, абсолютизировав ее, доведя до абсурда. Да, во многих текстах де Сада жестоких и безнравственных садистов, способных на все, не сажают в камеру за совершенные преступления, но они превращают в камеру собственную жизнь. Нет ничего плохого в удовольствии как таковом, но они лишаются и удовольствия, ведь им перестает быть интересно все, включая наслаждение. Так что кроме внешнего мира пустеет и мир внутренний. Мне кажется, мало кому удалось так полно показать убожество и одиночество зла, даже когда оно «торжествует». Тотальная свобода жестоких либертинов де Сада однажды превращается в тюремное заключение, из которого нет выхода.

Кроме того, зачастую в несправедливом мире де Сада гибнут все: и порочные, и добродетельные. Да, жестокая жизнь влечет к гибели морально стойкую Жюстину, но и ее порочные попутчики не процветают. Если Жюстина сидит в тюрьме – тюрьма сгорает, если попадает в шайку разбойников – их в конце концов крошат в капусту правительственные войска. Мог ли в самом деле де Сад допустить, чтобы в мире, где пострадал он – невинная Жюстина, его гонители избежали бы неприятностей? Да ни за что!

Вагоны десадовской агрессии перемешивались с буйными сексуальными фантазиями: надо думать, человеку, любящему секс и лишенному его на протяжении долгих лет, было о чем помечтать.

Но и здесь кроме порнографических вымыслов много насмешки и почти издевательства. Недаром же в сцене фантасмагорически жуткого и жестокого группового секса появляется диалог: «А что мне прикажете делать?» – спросил Нуарсей. «Размышлять, – коротко ответил министр. – Вы будете держать свечу и размышлять о превратностях судьбы».

У де Сада откровенно черный юмор, больше всего похожий на юмор мультипликационного сериала «Саус-парк», создатели которого «оскорбляют всех поровну».

«САМЫЙ СОКРОВЕННЫЙ ДОЛГ ИСТИННОГО РЕСПУБЛИКАНЦА СОСТОИТ В ПРИЗНАНИИ ЗАСЛУГ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ»

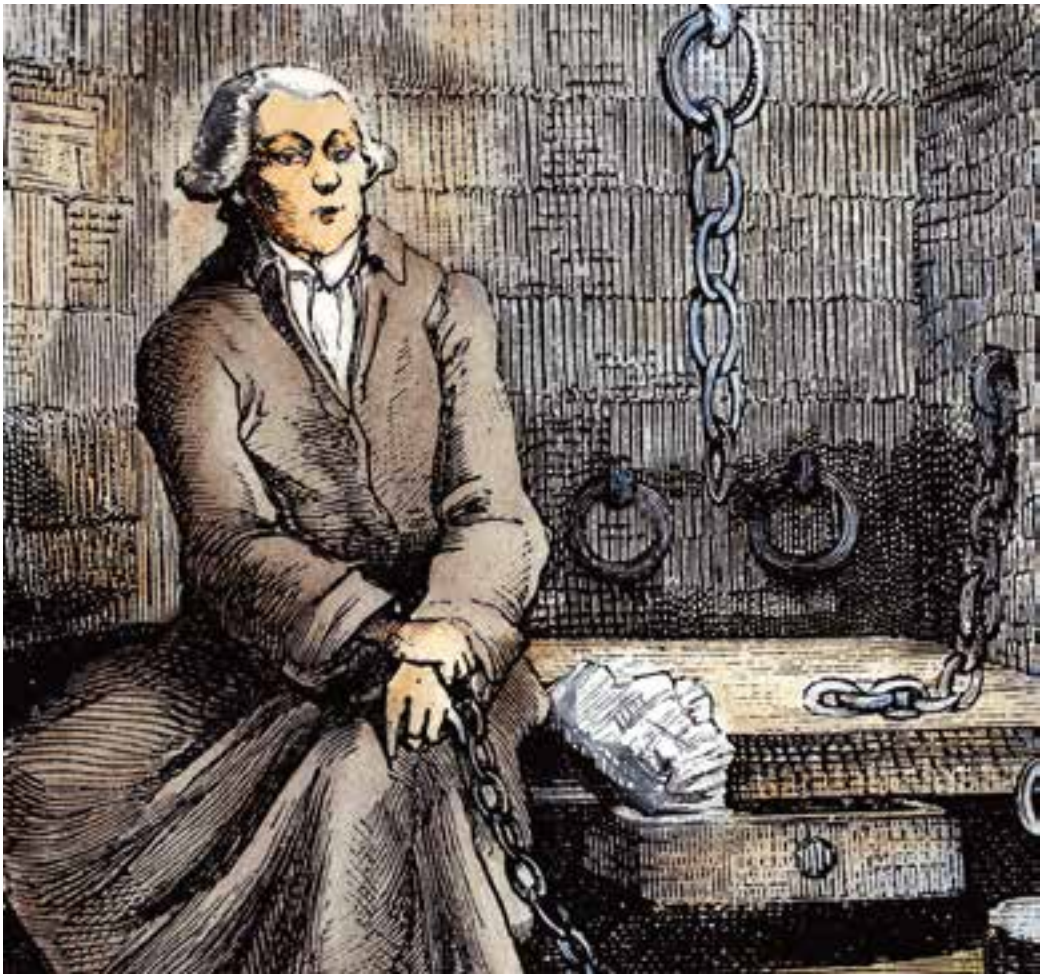
Забавно, но во Франции до сих пор ежегодно празднуется День взятия Бастилии: жестокая расправа над гарнизоном этой крепости дала свободу… семерым узникам, среди которых было четверо фальшивомонетчиков и один душевнобольной старичок-аристократ, которого родственники попросили держать в Бастилии, так как условия в большинстве психиатрических больниц того времени были хуже, чем в тюрьмах.

Штурму Бастилии де Сад отчасти поспособствовал. Когда его очередной раз лишили прогулок, он пришел в такую ярость, что схватил специальную трубу с воронкой (с помощью таких приспособлений заключенные сливали нечистоты в ров) и стал кричать через решетку, что в храме деспотизма убивают узников. Дебошира голым, не разрешив взять ни одной вещи, перевели в клинику для душевнобольных Шарантон. А толпа спустя две недели захватила крепость…

В 1790 году революция открыла для Донасьена двери камеры. Постаревший, располневший от малоподвижного образа жизни, страдающий астмой, лишенный средств к существованию (гражданин Сад не мог больше претендовать на доходы со своих владений), с одной стороны, вчерашний узник деспотизма, с другой – позавчерашний маркиз и землевладелец. Его сыновья эмигрировали, дочь жила с матерью в монастыре, где отец ее регулярно навещал.

Маркиз зарабатывал журналистикой, пытался публиковать свои романы и ставить пьесы, не пользовавшиеся особым успехом. Донасьен ужасался революционному террору не меньше, чем солдатским бесчинствам. В это время он сделал немало доброго, например помог множеству людей, чьи жизни были в опасности, бежать за границу.

Я хочу еще раз подчеркнуть: это было время, когда маркиз де Сад мог бы воплотить самые дикие и разнузданные фантазии о любом насилии. Тем не менее доподлинно известно, что «жестокий и порочный» маркиз де Сад ни разу не изнасиловал ни одной женщины, и не только не убил ни одного человека, но даже не подписал ни одного смертного приговора, когда находился в должности присяжного революционного трибунала, а затем председателя секции Пик. Какими бы ни были его мечты и тексты, он не любил жестокость в реальной жизни и вся-

чески ей противоборствовал, спасая, а не уничтожая людей, защищая, а не пытая.

В первый год свободной жизни он познакомился с 33-летней разведенной актрисой Констанс Кенэ. Она была на семнадцать лет младше Донасьена. До конца дней маркиза, то есть еще на 25 лет, этих двоих связали самые нежные и крепкие отношения. Вместе они прошли через многочисленные испытания и превратности судьбы. У Констанс был семилетний сын Шарль, который жил с ними. Отчим заботливо относился к ребенку и воспитывал пасынка в духе уважения к матери.

В 1793 году де Сада снова арестовали – за умеренные взгляды, доказательством которых явилось, кроме всего прочего, спасение родственников жены. А когда он уже находился в тюрьме, всплыла старая история о маркизе, чуть не убившем честную нищенку… Это был конец: теперь его обвиняли в том, что он прикинулся истинным патриотом республики, оставаясь ее идейным врагом. Тюрьма грозила стать последней обителью маркиза де Сада. По Парижу шла очередная кровавая волна казней: «За 35 дней мы похоронили 1800 человек», – рассказывал Донасьен о своих собратьях по заключению.

Он уже был приговорен, даже внесен в список на казнь под номером 11 из 28 назначенных на тот день жертв, но… то ли Констанс Кенэ удалось дать взятку, то ли произошел какой-то сбой в работе отлаженной государственной машины смерти (разные источники приписывают удачу, сопутствовавшую де Саду по разным причинам), но маркиза в этот день оставили в живых. А дальше революция утонула в собственной крови, террор кончился, Донасьен де Сад вышел на свободу.

«СУЩЕСТВОВАНИЕ МУЧЕНИКОВ УКАЗЫВАЕТ ТОЛЬКО НА ТО, ЧТО, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ИМЕЕТСЯ ЭНТУЗИАЗМ, А С ДРУГОЙ – СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Несколько лет прошли в относительном благоденствии. Маркиз де Сад получал кое-какие доходы от своих владений, много писал, не отказываясь от своего прежнего стиля: теперь он, кажется, справлялся с помощью текстов с пережитыми за время террора ужасами. Несколько его произведений даже опубликовали как анонимно, так и под его собственным именем, что принесло столь желанные деньги и вызвало очередной поток возмущения. Неизвестно, что было бы дальше, но в памфлете «Золоэ и две ее приспешницы» маркиз умудрился осмеять Наполеона Бонапарта и его супругу Жозефину Богарне, причем сатира была жесткой, очень точной и вполне узнаваемой, хотя автор изменил имена прототипов. Текст вышел анонимно (де Сад все-таки не был самоубийцей), однако его довольно скоро вычислили и… снова посадили под арест без суда. А какой мог быть суд? При задержании Донасьена де Сада обвиняли в сочинительстве аморальных романов, но эти

романы уже несколько лет свободно продавали во Франции, а о сатире на Наполеона никто даже не заикался вслух. Так что обвинение было снято, а вот наказание нет: маркиз де Сад два года просидел в тюрьме для политических заключенных, затем в сумасшедшем доме тю-

ремного типа и, наконец, снова был отправлен в клинику для душевнобольных Шарантон.

Маркизу де Саду было 63 года, следующие 11 – до самой своей смерти – он провел в клинике без права покидать ее.

«СТАРОСТЬ РЕДКО БЫВАЕТ ПРИЯТНОЙ, ИБО С ЕЕ ПРИХОДОМ В НАШЕЙ ЖИЗНИ НАСТУПАЕТ ТАКОЕ ВРЕМЯ, КОГДА БОЛЕЕ НЕВОЗМОЖНО СКРЫТЬ НИ ЕДИНОГО НАШЕГО НЕДОСТАТКА. ВСЕ ИСТОЧНИКИ, СПОСОБСТВОВАВШИЕ СОЗДАНИЮ ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ИСЧЕРПАЛИСЬ; ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ ПОДЛИННЫЕ ЧУВСТВА И ДОБРОДЕТЕЛИ»

Правда, это было самое мягкое его заключение. Бывший аббат, а теперешний директор Шарантона Франсуа Симоне де Кульмье был гуманным человеком: он сразу понял, что маркиз не сумасшедший, и отнесся к этому противоречивому старику с симпатией. Констанс разрешили жить в апартаментах, выделенных Донасьену. Она могла свободно уходить из клиники, так что у маркиза были и книги, и бумага, и хорошая пища. Иногда его навещали взрослые сыновья (правда, старший сын Донасьена рано погиб, к большому горю отца; дочь маркиза тоже ушла из жизни из-за болезни), а с сыном Констанс Шарлем он дружелюбно переписывался. Он по-прежнему много писал и по-прежнему, главным образом, эротические триллеры с нагромождением ужасов и разврата, теперь на исторические темы. Но, кроме прочего, де Сад создал роман «Маркиза де Ганж», где с помощью благородной героини прославлял… добродетель. Принято считать, что «старый развратник притворялся», но человек на склоне лет вполне мог частично изменить взгляды на жизнь.

Позволялись узнику Шарантона и прогулки в больничном саду. Но главное – Донасьен де Сад имел возможность ставить спектакли силами других обитателей клиники: у директора была теория, что это благотворно влияет на больных. На сцене Шарантона играли пьесы де Сада, классические произведения и сценки из внутреннего мира больных. Так что де Сада можно называть праотцом психодрамы: эти представления приносили облегчение страдающим людям. На спектакли с удовольствием ходила публика, в том числе директора профессиональных театров.

Несколько раз власти пытались перевести Донасьена де Сада в обычную тюрьму с жестокими условиями или устроить тюремную жизнь в клинике, но Кульмье сумел отстоять своего подопечного.

В последние годы жизни у старенького маркиза с согласия Констанс, разделявшей его взгляды на отношения, начался роман с юной дочерью больничной прачки Мадлен Леклерк. Мадлен была в восторге от обаятельного и сексуально умелого маркиза. Этот тройственный союз продолжался до самой смерти де Сада.

Оставив щедрое завещание в пользу Констанс Кенэ и ее сына, маркиз Донасьен де Сад умер от приступа астмы 2 декабря 1814 года. До последних дней он пребывал в здравом уме и твердой памяти, много писал и придавался эротическим утехам в реальности и на бумаге.